

чению истории Отечественной войны 1812 г., превратив художественное произведение (отчасти, помимо воли автора) в историографический факт.

1. Витмер, А.Н. 1812 год в «Войне и мире» По поводу исторических указаний IV т. «Войны и мира» гр. Л.Н. Толстого / А.Н. Витмер. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1869. – 122 с.
2. «Война и мир», сочинение графа Л.Н. Толстого, том четвертый // Голос. – 23 марта 1868 г. – № 83. – С. 1–2.
3. Гейсман, П.А. Граф Л.Н. Толстой и М.И. Драгомиров / П.А. Гейсман. – СПб.: Типография А.А. Пороховщикова, 1897. – 95 с.
5. Драгомиров, М.И. Разбор романа «Война и мир» / М.И. Драгомиров. – Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1895. – 134 с.
6. Лачинов, Н.А. По поводу нового романа гр. Толстого / Н.А. Лачинов // Русский инвалид. – 10 апреля 1868 г. – № 96. – С. 3.
7. Лесков, Н.С. Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому / Н.С. Лесков // Собрание сочинений в 11 томах. – М.: Художественная литература, 1958. – Т. 10. – С. 97–150.
8. Липранди И.П. Заметка по поводу Бородинского сражения / И.П. Липранди // Голос. – 10 мая 1868 г. – № 129. – С. 2.
9. Липранди, И.П. Как был взят город Соасон 2 (14) февраля 1814 года и какое значение имел этот город в войну 1814 года / И.П. Липранди // Русский архив. – 1868. – № 6. – С. 903–925.
10. М.Б. [Богданович М.И.] Что такое «Война и мир» графа Л.Н. Толстого / М.Б. [Богданович М.И.] // Голос. – 10 мая 1868 г. – № 129. – С. 1.
11. Норов, А.С. Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника / А.С. Норов. – СПб.: Типография Департамента уделов., 1868. – 58 с.
12. Тартаковский, А.Г. 1812 год и русская мемуаристика (опыт источниковедческого изучения) / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 311 с.
13. Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 томах. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 4. – С. 7–355.
14. Толстой, Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» / Л.Н. Толстой // Там же. – С. 356–366.
15. Толстой, Л.Н. Проект о переформировании армии / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 томах. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 16. – С. 399–403.

Г.Н. Яковлева

ВОЙНА 1812 ГОДА И ЕЁ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Отечественная война 1812 года – знаковое событие российской истории, которое неоднократно актуализировалось властью, политиками, публицистами, историками. Рассмотрим некоторые примеры того, как сама война, а также последствия борьбы с Наполеоном начала XIX века и историческая память об этих героических страницах русской истории использовались властями в сложные моменты советской и российской истории.

Одним из серьезных последствий войны 1812 года стало то, как она повлияла на российское общество и самосознание определенной части русского офицерства. «Мы были дети 12-го года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь, ради любви к Отечеству было сердечным побуждением нашим», - определил влияние войны на судьбы декабристов Матвей Муравьев-Апостол [цит. по: 1, с. 40].

«Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании», - писал в своих мемуарах И.Д. Якушкин [цит. по: 1, с. 40]. Во время следствия над декабристами А.А. Бестужев писал Николаю I: «Наконец Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России» [2, с. 275]. На вопрос Следственной комиссии о том, что повлияло на формирование его взглядов, декабрист М.А. Фонвизин отвечал: «Великие со-

бытия Отечественной войны, оставя глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности» [цит. по: 3, с. 94].

На формирование взглядов будущих декабристов несомненное влияние оказало их участие в заграничных походах русской армии. Конечно, преувеличивать их не надо, так как социально-политические основы западных стран были известны дворянам России и до 1813-1814 гг., часть из них бывала за границей и раньше. Но впервые с западноевропейскими реалиями познакомились массы дворянства и представителей других слоёв российского общества.

«Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодёжи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос», - утверждал И. Д. Якушкин [2, с. 273].

М.А. Фонвизин писал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границей с тем, что им на всяком шагу представлялось на Родине... Многие из них в походах познакомились с германскими офицерами, членами прусского тайного союза, который так благотворно приготовил восстание Пруссии и содействовал её освобождению, и с французскими либералами. В откровенных беседах с ними наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием» [2, с. 278–279]. «Полки, наполненные молодёжью, по возвращении из Парижа увидели в рядах своих новое поколение офицеров, которое уже углублялось в своё назначение, стало понимать, что не для того только носят они мундир, чтоб обучить солдат маршировке и выправке. Все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному», - писал Н. Лорер [4, с. 326].

«Как в XVIII веке пребывание французских генералов и офицеров в Северной Африке подало случай занести семена возмущения во Франции, так в начале XIX века наши молодцы заразились либеральными идеями во Франции.... Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа...», - с сожалением вынужден был констатировать оппонент декабристов Н. И. Греч [5, с. 229].

«Войска, от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас», - отмечал А. Бестужев [2, с. 276]. «Со времени возвращения русских войск либеральные идеи усиленно распространялись в России. Кроме регулярных войск, за границей была и масса ратников из различных слоёв; по переходе границы они распускались по домам и там рассказывали виденное в Европе...», - отмечал Н. Бестужев [2, с. 276].

Правда, разные «ратники» видели в Европе разное, каждый своё. «И в декабре не каждый декабрист!», - не зря писал ещё в советское время в своём известном стихотворении поэт Ф. Кривин. Интересны в этом смысле «Записки кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Она, как и многие другие офицеры, участвовала в походах русских войск за границу. И её литературно-мемуарный труд является примером совершенно иного восприятия чужого опыта и других стран не менее значительной частью российского офицерства. Саму Н. Дурову и многих её товарищей не очень интересовала политика, но им было занятно увидеть бытовую сторону иной жизни, не похожей на российскую. Упоминает она о многочисленных сердечных романах и быстро проходящих страстях, переживавшихся её сослуживцами за рубежом. «Нет ни одного из нас, кто бы радостно оставлял Голштинию; все мы с глубочайшим сожалением говорим «прости» этой прекрас-

ной стране и её добродушным жителям. Велено идти в Россию. Голштиния, гостеприимный край, прекрасная страна! Никогда не забуду я твоих садов, цветников, ...честности и добродушия твоих жителей!», – писала она [6, с. 465]. Характерно, что у Надежды Дуровой в её «Записках кавалерист-девицы» почти нет замечаний по поводу политических вопросов, нет здесь и комментариев о вкладе российского крестьянства в победу над врагом, она как будто не видит его. На примере её воспоминаний очень хорошо видно, как российское общество относилось к населению западных окраин, во многом незнакомому для дворянства внутренних губерний страны. Известно, что еврейское население западных окраин в целом поддержало в этой войне российскую власть и армию, активно и эффективно использовалось русским командованием в качестве информаторов, лазутчиков и шпионов. Дуровой же оно воспринимается однозначно отрицательно и описывается следующими характерными словами: «зияющая пасть, выпученные глаза, растрёпанные пейсы; жид, похожий на чудовище; жидовка завывает свои псалмы; жид обманул меня со всей бессовестностью» и т.д.

Признавая разность личного опыта, полученного в ходе знакомства с другими странами в 1813–1814 гг., надо признать, что часть русского офицерства пришла к осознанию необходимости решительных перемен в политическом устройстве России. И попыталась реализовать свои планы в декабре 1825 г. После этого декабристы и декабризм стали неотъемлемой частью политической истории и исторической мифологии России и СССР.

В сложные периоды истории не раз возникала необходимость актуализации факта патриотического подъема в России в период событий 1812 года. Именно в тяжелые дни 1941 года властью были проведены прямые параллели с ходом войны 1812 года, которые должны были вселить веру в окончательную победу и способствовать общему подъему народа на борьбу с захватчиком. В первые дни после начала Великой Отечественной войны обратились к опыту войны 1812 года в своих обращениях к народу В.М. Молотов и И.В. Сталин. Обыгрывалась роль генерала «Мороза» в борьбе с врагом в 1812 и 1941 годах. В 1942 году появился орден Кутузова, в 1944 – вышел на экраны страны фильм С. Эйзенштейна «Кутузов», отразивший не только основные этапы войны, но и роль партизанского движения в победе над врагом. Полководческую тактику М.И. Кутузова Сталин актуализировал применительно к своей деятельности в 1941–1942 гг. Огромным успехом пользовалась в стране пьеса А. Гладкова «Давным-давно», сюжетной линией связанная с событиями войны с Наполеоном. Стал чрезвычайно популярным роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Были переизданы работы Е.В. Тарле, воспоминания А. Коленкура [7].

С одной стороны, партия стимулировала рост патриотизма и национального самосознания, опираясь на события 1812 года, с другой, она этого же опасалась. Опасные параллели с последствиями заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. и освободительным походом в Европу в 1945 году сразу возникли среди идеологических работников ВКП (б). Ведь в свое время, ознакомившись с Западом, «декабристы несли прогрессивные идеи, а сейчас просачивается реакция, капиталистическая идеология» [8, с. 48–49]. Ставилась задача отследить, «какое впечатление остается у солдата и офицера от пребывания в иностранном государстве», а также своевременно реагировать на настроения солдат и офицеров, прибывших из освобожденных стран Европы домой.

И эти опасения были не беспочвенны. Фронтовики, вернувшись с войны, иногда называют потенциальными «декабристами», проводя исторические параллели с событиями в России после войны 1812 года, связанными с восстанием де-

кабристов 1825 года. В 1945 году роль военных в жизни общества резко возросла. Гордость за победу и надежды на перемены опять охватили страну. Увиденное на Западе опять, как и в период борьбы с Наполеоном, всколыхнуло его освободителей. Военные снова могли попытаться вмешаться в политику. Миллионы солдат и офицеров, снова, как и в 1813 году, прошедшие пол Европы, увидели катастрофическую разницу в уровне жизни на Западе и в СССР. Кроме них были ещё тысячи вывезенных на работу в Германию, а затем репатриированных из неё. Такое знакомство вызывало у многих советских людей серьёзные вопросы. «Сколько же лет нам нужно, чтобы достичь западноевропейского уровня?» – спрашивал красноармеец П. и сам же отвечал: «Пожалуй, 1000 лет мало будет». Другому солдату образцом демократии представлялась Чехословакия, где страной управляют четыре партии, а не одна, как в СССР [9, с.141].

Фронтвики-генералы Ф.Т. Рыбальченко и В.Н. Гордов в 1946 году убеждали друг друга:

«– Нам нужно иметь настоящую демократию (Гордов).

– Именно чистую, настоящую демократию (Рыбальченко)» [10, с. 40].

Генерал-полковник Гордов, поездивший как депутат по стране, говорил в частной беседе: «Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что, если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет всё. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали её!» [10, с. 39].

Повсеместно были распространены антиколхозные настроения среди простых солдат и крестьян. В Голубовском сельсовете Дриссенского района Полоцкой области репатриантка говорила по этому поводу: «Если бы я знала, что не распустят колхозы, я бы не поехала из Германии» [11, л. 234]. Демобилизованные из Красной Армии вели разговоры о том, что колхозы – это временное явление, они будут скоро распущены на некоторое время, а потом вновь будут создаваться, но уже по другому принципу [11, л. 233]. Дриссенскому райкому КП(б)Б в эти населенные пункты пришлось послать лучших агитаторов для проведения разъяснительной работы. По всей стране были зафиксированы многочисленные случаи антиколхозных высказываний на бюллетенях при выборах в Верховный Совет СССР.

Можно согласиться с мнением Е. Зубковой о том, что, при всей разности конкретно-исторических условий обе войны – и война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – имели во многом сходные социально-психологические последствия. Они пробудили «дух свободы», породили у народа надежды на перемены и лучшую жизнь в качестве «награды» за победу. Можно отметить также относительное тождество между настроениями крестьянства в пользу отмены крепостного права, активизировавшимися после войны 1812 года, и надеждами крестьян 1945-го на роспуск колхозов, в том и другом случае направленных против жесткой государственной эксплуатации и внеэкономического принуждения. Однако фронтвики 1940-х гг. в объективных и субъективных реалиях того времени так и не стали новыми декабристами.

Обе войны по-прежнему играют огромную роль в исторической памяти русского народа и современной политической борьбе. Например, очередной вброс современных событий в исторический контекст и использование исторической памяти о войне 1812 года и образа Бородино для решения чрезвычайно важной задачи политической консолидации своих сторонников, сделал В.В. Путин в ходе президентской кампании 2012 года.

Интересно и то, что в современной российской политической публицистике появились новые «неодекабристы» (М. Ходорковский, участники «Марша несогласных» 2005–2007 гг., «лимоновцы», участники протестных акций декабря

2012 года), а декабризм стал некоей метафорой борьбы с современной российской властью. Как считают некоторые исследователи, это повлекло за собой и изменение акцентов в восприятии «первых», настоящих декабристов в современных политических и исторических кругах России [12]. Актуализация истории и использование исторической памяти в политических целях продолжается.

1. Межова, К.Г. Об источниках формирования вольнолюбивых идей декабристов / К.Г. Межова // История СССР. – 1989. – № 5. – С. 37–46.
2. Недаром помнит вся Россия... : сборник / сост. В.Г. Левченко, В.В. Володин. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 303 с.
3. Павлова, Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. / Л.Я. Павлова. – М.: Наука, 1979. – 127 с.
4. Лорер, Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом / Н. И. Лорер // Мемуары декабристов / сост., вступ. ст. и ком. А.С. Немзера. – М.: Правда, 1988. – С. 313–545.
5. Греч, Н.И. Записки о моей жизни / Г.И. Греч. – Москва: Книга, 1990. – 396 с.
6. Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы / Н.А. Дурова // Давыдов, Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. – Л.: Лениздат, 1985. – С.272 – 509.
7. Дацишина, М.В. Тема Наполеона и войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны / В.В. Дацишина // Вопросы истории. – 2011. – № 6. – С. 149–156.
8. Сеницын, Л.Ф. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года / Л.Ф. Сеницын // Российская история. – 2009. – № 6. – С.40–53.
9. Зубкова, Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Зубкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 229 с.
10. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
11. Государственный архив Витебской области. – Ф.10060-п. – Оп. 1. – Д. 21.
12. Эрлих, С.Е. Метафоры мятежа: декабристы в риторике Путинской России / С.Е. Эрлих. – Спб.: Нестор-История, 2009. – 274 с.

А.М. Сцебурака

РУКАПІСЫ З КАЛЕКЦЫІ ЭМІЛЯ БРУВЭ Ў ЗБОРЫ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ БІБЛІЯТЭКІ БЕЛАРУСІ

Нацыянальная бібліятэка Беларусі мае даволі значную калекцыю рукапісаў аб эпасе Напалеонаўскіх войнаў на французскай мове, якія захоўваюцца ў НДА кнігазнаўства [2, с. 242]. Гэта розныя па форме, афармленню і зместу творы: успаміны, дзённікі, гістарычныя запіскі, карэспандэнцыя, паэма. Паходжанне і змест гэтай калекцыі не былі вывучаны дакладна да гэтага часу і дадзеная тэма працяглы час дыпламатычна не ўздымалася. Пры гэтым, добра вядома пра існаванне значнага масіву кніг з Заходняй Еўропы ў галоўным кнігазборы Беларусі. Найбольш каштоўныя выданні з аўтографамі вядомых грамадска-палітычных і культурных дзеячаў ужо апісаныя і знайшлі месца ў праекце “Французскія аўтографы ў фондзе НББ”. Прафесар У.В. Макараў раскрыў трагедыю былых уласнікаў бібліятэк, чые кнігазборы былі сканфіскаваныя пад час II Сусветнай вайны і, ўрэшце, трапілі ў Беларусь [1, с. 19]. Верагодна, прыгаданая калекцыя французскіх рукапісаў трапіла да нас аналагічным чынам. Гэты артыкул прысвечаны непасрэдна праблеме іх паходжання і сісלאму апісанню рукапісаў з мэтай азнаямлення з імі зацікаўленых колаў.

У некалькіх рукапісах была ўкладзена частка канверта з іх апісаннем і нумарам лоту, складзеным для наступнага продажу дакумента на неназваным аўкцыёне ("Autographes et document historiques / expertises - vents - recherches / D. Janvier, maison fondée en 1886 Paris IV"). Непасрэдна экспертызу рукапісу